

Т.Е. КОМАРОВСКАЯ

(Минск)

**ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ И ИДЕЯ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА XX ВЕКА**

Объектом отображения в историческом романе является История, т. е. исторические события, описанные историками и интерпретируемые автором исторического романа.

Английский философ Робин Коллингвуд, книга которого «Идея истории» за прошедшие после ее написания полвека приобрела репутацию классического труда в современной философии истории, предмет истории понимает как «науку о *res gestae*, попытку ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом» [2, с.13]. Но для настоящего историка мало знать человеческие деяния, важно выявить их мотивировку, те побудительные причины, которые вызвали эти деяния. То есть для истории объектом, подлежащим открытию, оказывается не просто событие, но мысль, им выражаемая. Так Коллингвуд приходит к формулировке своего понимания идеи истории: «Вся история — история мысли» [2, с.204]. Историка важно проникнуть в менталитет эпохи, восстановить идею истории, как она осмысливалась людьми изучаемого им периода.

Общеизвестную задачу историка — раскрыть прошлое, оставившее после себя документы, Коллингвуд интерпретирует как задачу «открыть мысль, которая выражена упомянутыми словами. Для того же, чтобы выявить, какова была эта мысль, историк должен продумать ее снова и самостоятельно» [2, с.269]. Но ведь исторический объект не дан историка в восприятии, ибо восприятие знакомит его лишь с мертвыми реликтами, которые становятся историческим знанием только после того, как подвергнутся компетентной интерпретации. Как же возродить подлинное прошлое, которое не было бы собственным мышлением историка, выдаваемым за историческую реальность? Для решения этой задачи Коллингвуд создает концепцию «априорного воображения», выражающуюся в проигрывании (*reenactment*) прошлого опыта, т. е. в «переживании заново» того психического содержания, которое заключено в окаменелых остатках прошлого.

Коллингвуд признает, что специфика истории — в парадоксальном слиянии свойств искусства и науки, образующем «нечто третье», т. е. историческое сознание, воссоздающее воображаемую картину прошлого. Его концепция истории есть попытка построить историческую науку по образцу истории духовной культуры — истории искусства. Коллингвуд прямо указывает на то, что у историка и романиста общие задачи, что много

общего и в методологии их поиска. Это, в первую очередь, привлекает к нему внимание современных литературоведов и делает его незаменимой опорой для исследователя исторического романа. Задачи у историка Коллингвуда и у автора исторического романа действительно совпадают: исторический роман призван воссоздать мироощущение, мировосприятие людей прошлого, задачу, на важность решения которой указал известный американский исторический романист Херви Аллен в романе «Битва при Аквиле». «То, что люди чувствовали — вот что будет забыто», приходит к выводу его герой, размышляя о том, как кровавая реальность битв со временем мифологизируется, покрывается романтической дымкой легенды.

Коллингвудовское «проигрывание прошлого опыта» означает ту процедуру, которая лежит в основе психологии создания исторического романа и его читательского восприятия, процедуру «проигрывания» процесса мысли с целью погружения в опыт прошлого и тем самым ее оживления в новом историческом контексте. Теория Коллингвуда, т. о., указывает историческому романисту (и его исследователю) на одну из важнейших задач, требующих своего разрешения, и на метод ее решения.

Анализируя сферу идей исторического романа, мы выделяем два уровня, присутствующих в произведении и являющихся объектом нашего исследования: философию истории, концепцию истории автора произведения и идею истории, нашедшую в нем отражение. Кроме того, исследуя американский исторический роман XX века, нельзя не рассматривать его соотношения с идеей истории, сформировавшейся в современном массовом сознании. Эти два уровня связаны с разными аспектами исторического романа и по-разному проявляются в его поэтике.

Исторический роман исследует прошлое, помогая лучше понять настоящее и предвидеть будущее. Он ориентирован, разлагается сразу на три оси координат времени. В этом проявляется та дихотомия, к которой приходит Гегель, размышляя о соотношении в структуре исторического романа истории и современности: общечеловеческое содержание и исторический материал как его внешняя форма, внешняя привязанность только к прошлому. Философия истории автора обеспечивает функционирование исторического романа в историческом настоящем (времени создания романа) и историческом будущем (времени его прочтения). Она, в первую очередь, и составляет его общечеловеческое содержание. Идея истории народа, их осознание исторических событий воскрешаемого прошлого, отраженная в романе, помогает воссоздать эпоху, интеллектуальный тип ее людей. Она является одним из слагаемых «внешней формы» исторического романа и в то же время носителем общечеловеческого содержания, потому что тоже связана с историческим будущим через сходные психологические и интеллектуальные реакции людей на сходные исторические обстоятельства. Философия истории автора находит выражение в историческом романе в пласте авторской речи, а также в представлениях реальной конкретно-чувственной жизни

(литература моделирует жизнь) [1, с.169-170]; а идея истории — только в модели изображаемого мира.

Вследствие своей двойственной природы, исторический роман взаимосвязан с историографией и художественной литературой. Как и в предшествующем столетии, американский исторический роман XX века часто опережает отечественную историографию, разрабатывая концепции, которые позже станут достоянием исторической мысли, или воплощает в художественных образах уже устоявшиеся представления историографической науки. При этом нельзя не отметить взаимодействие американского исторического романа XX века с идеей истории, как она сложилась в общественном сознании. На важность национальной мифологии для историографии и для менталитета нации указывает один из наиболее известных современных американских историков Макс Лернер в своем универсальном труде «Америка как цивилизация».

В основу его книги положен принцип рассмотрения истории США в сравнении с ее вариантом, сложившимся в массовом сознании. Первые несколько страниц книги представляют краткий обзор истории страны именно в ее устоявшемся «массовом» варианте, состоящий из одних назывных предложений. Вот как, например, Лернер суммирует Гражданскую войну: «Разделение нации на две экономики и на два образа жизни, тирания Короля Хлопка над менталитетом Старого Юга, мечта конфедератов о прообразе Греческой республики, основанной на рабстве, на берегах Залива, тени от цепей рабов, упавшие на душу американцев. Восстания рабов и расправы с обеих сторон, подземная дорога свободы, стук в дверь дождливой ночью, героизм Фредерика Дугласа и Харриет Тубмен, Джон Браун у арсенала в ХарперсФерри. Дни напряженных дебатов в Сенате, долговязый паренек, подрастающий в Иллинойсе, «дом, расколовшийся надвое не может стоять», вагон Президента, переправляемый с одной станции на другую в Балтиморе в тиши предутренних часов. Освобождение рабов, бунты против всеобщего призыва, Линкольн, идущий вдоль длинных рядов госпитальных коек с грубоватыми шуточками, скрывающими сердечную боль; сцена в Геттисберге, «мир не обратит особого внимания и не будет долго помнить»; горящие тюки хлопка в южных портах, братья, убивающие братьев в Битве в Дебрях, марш Шермана к морю; два солдата в Аппоматоксе. "Нет места злобе ни к кому", фатальный курс пули Бута, трагическая маска смерти, "когда во дворе перед домом цвела сирень". Насупленные каменные лица белых в легистратурах Юга, саквояжники, растерянные освобожденные рабы, террористы в южной ночи, трагическое наследие гражданского конфликта» [4, с.7].

Макс Лернер так комментирует вариант истории, предстающий перед читателем подобного обзора: «Это история образа Америки, меморандум американской истории, составленный не из понятий сил, причин, событий, но образов, почерпнутых из национальной традиции. То, что он воспроизводит, это не «эры» и «факторы», но драматические моменты, кризисные ситуации, иногда — только стереотипные эпизоды и избитые лозунги. Она

важна, исходя из предпосылки, что исторические воспоминания участвуют в формировании стиля народа в той же степени, в какой они формируют стиль отдельного человека» [4, с.8].

Исторический роман XX века, являясь частью общего литературного процесса, отражает изменения, свойственные всей американской художественной литературе этого периода, а зачастую в своем художественном исследовании жизни опережает открытия, до сих пор считавшиеся приоритетом художественной прозы «в чистом виде».

На философии истории авторов исторических романов 20—30-х годов явно ощущается влияние американского реалистического романа 20-х годов с его углубленным социальным анализом явлений общественной жизни, четко расставляющим классовые акценты в воссоздаваемой модели мира. Начиная с романа Эдмондса через исторические романы Фаста в раскрытии темы Войны за независимость превалирует тенденция изображения ее как войны гражданской, вызванной столкновением классовых интересов. Эта тенденция явилась результатом революционизирующей атмосферы «красных 30-х». Осмысление этой темы историческим романом значительно перегнало разработку ее отечественной историографией. А вот другие аспекты философии истории Говарда Фаста, например, его понимание причин, сделавших возможным демократическое устройство страны, сформировавших общественное сознание ее граждан, совпадает с историографической концепцией книги М. Лернера. Макс Лернер видит предпосылки развития американской демократии в одновременном развитии индустриальной революции, капиталистической по своей экономической сути, освоении новых территорий и развитии демократической идеи, то есть, по Лернеру, жизнь американцев менялась по вертикали (экономически, ментально) в то время, когда, по горизонтали, она распространялась на все новые территории. Непрерывно развивающаяся демократическая идея выражалась в движениях аболиционистов, за тюремные реформы, женское равноправие, в тред-юнионизме, в коммунистическом движении, за народный контроль над банковской и финансовой сферой. Национальный характер американцев и определила триада «подвижного фронта», «развивающейся технологии» и «развивающейся демократической идеи». Эта историографическая концепция находится в унисоне с ядром философии истории Фаста, в центре которой — неразрывность и непрерывность исторического деяния, непрерывающаяся борьба за свободу, обеспечивающие исторический оптимизм его мировосприятию. Это пример того, как писатель и историк, исследуя прошлое разными методами, приходят к одинаковым выводам.

Романы Фаста чутко реагируют на изменения общественной жизни в стране. В них — отражение подъема левого радикального движения в 30-е годы, неприятие маккартизма с его насилием над личностью и подавлением инакомыслия, подъем неолиберальных настроений в стране, отметивший первую половину 60-х годов.

В 50-е годы американский исторический роман развивается в границах морального, этического реализма, свойственного американской литературе

этого периода, приобретает черты, характерные для него. Для исторических романов 50-х также характерны снижение социально-критического потенциала и падение интереса к общественной проблематике, «великий послевоенный сдвиг от общественного к частному» [3, с.77], по выражению М. Каули: переключение внимания с действия «с его конкретностью и определенностью» на «более многомерный мир мысли и переживания» [3, с.80], подчеркивание сложности диалектики добра и зла в душе человека и в общественных отношениях, перенесение политических конфликтов в сферу морали, осторожность в оценках, акцент на эмоциональности и лирических полутонах, сужение сферы исторического обзора («Признания Ната Тернера» У. Стайрона, «Мартовские иды» Т. Уайлдера, «Дом, расколовшийся надвое» У. Бена Амеса).

В 60-е историческая романистика, как и американский роман в целом, отмечена подъемом творчества писателей на основе идеи морального возвышения человека («Дебри» Уоррена, «Заговор» Херси).

Поиск корней, обращение к истокам, обусловленные тенденцией подведения общественно-политических и духовных итогов развития общества в предшествующие десятилетия, собственные американской литературе в 70-е годы, проявились в первую очередь в ее историческом романе — стремлением, перечитывая заново прошлое, осмыслить и лучше понять настоящее. Это стремление отмечает обе формы американского исторического романа 70-х — как объективно-эпическую, так и условно-исторический, философский роман, и придает ему особую актуальность, что находит отражение в жанровом хронотопе исторического романа, в смещении акцента с прошлого к настоящему, и налагает свой отпечаток на поэтику исторического романа. (Романы Г. Видала, Д. Херси «Заговор», Р. Фаулера «Джим Манди»)

Американский исторический роман 70-х — 80-х годов, как и американская серьезная литература этих лет, отражает поиск нравственных основ, возрождение общечеловеческих ценностей. Роман этого периода (произведения Видала, Шаары, Фаулера, Окинглосса) послужил выражением историографической концепции, отрицающей миф об особом историческом пути США и провозгласившей, что история страны подчинена и развивается согласно всеобщим социально-экономическим законам.

Американскому историческому роману о войне присуща общечеловеческая нравственная направленность, когда вопрос исторической правоты той или иной стороны отступает на второй план перед выявлением чудовищной сути войны, любой войны, перед развенчанием ее как средства решения политических конфликтов, что обеспечивает высокий нравственный потенциал американского исторического романа XX века. В изображении войны создатели американского исторического романа продолжают традиции Стивена Крейна, показавшего в «Алом знаке доблести» ее жестокость и бессмысленность, но также отвлекавшегося от ее высокого исторического предназначения. Исторический роман 30-х годов подчеркнута пацифичен. В американском историческом романе 20-х — 30-х годов теряется прогрессивная историческая роль Гражданской войны в

жизни страны; война осуждается как способ решения политических проблем. Пацифизм исторического романа этих лет — это и продолжение традиций и этического заряда литературы «потерянного поколения», и отклик на захватнические войны фашистских государств, и протест против милитаристского внешнеполитического курса США. Эта же линия на изображение войны сохраняется в американском романе в течение всего XX столетия.

Осуждение политического экстремизма, неприятие диктатуры, тоталитаризма, насилия красной нитью проходит через американский исторический роман XX века (Эдмондс, Фаст, Уайлдер, Херси, Бауэр). Эта тема — основная для исторических романов Фаста о революции. Фаст отвергает идею революционного насилия, отрицает ее моральную оправданность и допустимость в революции, не признает приоритет идеи над человеческой жизнью — сначала в своем творчестве, затем подтверждает это неприятие собственной судьбой (выход из рядов Коммунистической партии США).

Американский исторический роман XX века представляет постоянный диалог, в основном — спор объективного исследования прошлого с идеей истории, сложившейся в массовом сознании. «Американская мечта», «Новый Адам в Новом Свете», «южный миф» и другие составные национальной мифологии критически осмысливаются и анализируются в романах, представляющих эту жанровую разновидность в американской литературе XX века. Соответственно отражение в историческом романе мифологизированного сознания или полемика с ним являются и одной из основных тем исследования при рассмотрении американского исторического романа XX века (романов Бойда, Кэнтора, Митчелл, Аллена, Эдмондса, Фаста, Уоррена, Видала, Шарры, Фаулера, Окинлосса). При анализе романа Аллена прослежена трансформация одной из основных идей национальной мифологии — идеи мессианской роли США, в укоренении которой в массовое сознание внесли свой вклад историки Бэнкрофт, Фук, Махан. Аллен пересмысливает идею национальной исключительности. Он видит ее в том, что США предназначено стать оплотом мира во всем мире. Критический и мифотворческий подходы к теме Гражданской войны отличают исторический роман писателей Юга.

В вершинных достижениях американского исторического романа отражены противоречия эпохи и авторское отношение к ним. Философия истории писателей, составивших канон американского исторического романа XX века, находит выражение в пласте авторской речи, в превалировании вымысла, свойственном особенно послевоенному американскому историческому роману, в изменившемся соотношении автор — герой, позволяющим писателю полнее выразить свое отношение к отображаемым событиям; в авторском решении образов героев и судом, который он вершит над ними и над «делами давно минувших дней» — с позиций дня сегодняшнего; во всем поэтическом строе произведений.

Значение идеи истории в послевоенном историческом романе, особенно в 70-е — 80-е годы, возрастает вследствие усиливающейся интровертности исторического романа. Анализ поэтики исторического романа необходим для

выявления философии истории, исторической концепции его автора и идеи истории, отраженной в нем.

Список литературы:

1. Гегель. Сочинения. М., 1958. Т. 14.
2. Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980.
3. Цит. по кн.: Мулярчик А. С. Смена литературных эпох // Вопросы литературы. 1976. № 7.
4. LernerM. AmericaasaCivilization.

**Комаровская Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук,
профессор БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь.**

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ